

**ВОСПРОИЗВОДСТВО МОДАЛЬНОСТИ КАК
ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОСЛОВИЦ****С.И.ИБРАГИМОВА**

Пословица не случайно оказалась предметом бурных споров в прошлом, в период фразеологического и паремиологического бума. Совершенно закономерно продолжение полемически заостренного разговора о языковом статусе и речевых функциях пословиц и в настоящее время.

На первый взгляд, кажущийся совершенно бессмысленным спор относительно языкового или речевого характера паремиологических единиц, тем не менее до сих пор не прекращается и до сих пор пытается представить как очевидные явно противоречивые аргументы. Если производство аргументов не прекращается, следовательно, предмет вовсе не столь очевиден.

Пословица стала обсуждаться в рамках фразеологического дискурса, когда не прекращались попытки любое сверхсловное образование, характеризующееся экспрессивностью содержания, втиснуть в рамки теории, старавшейся создать систему универсальных признаков, охватывающих весь этот разнородный материал. В связи с решением вопроса о статусе пословиц необходимо было дать ответ на два основных вопроса лингвистики прошлого столетия. Ответы оказывались совершенно не простыми, так как в зависимости от своего характера выявляли отношение исследователя к двум фундаментальным принципам, провозглашенным классиками системно-структурного подхода к изучению языкового материала.

Первый принцип требовал в практике языкового исследования последовательно проводить разграничение языка и речи [1;56-57]. Воспринимать первое как систему условных знаков внеязыковых реалий. Второе – как психо-физическую реализацию языковой потенции. На поверхностном уровне первое отличалось от второго нормированностью. Причем за критерий нормы бралось понятие оптимальности языкового средства, которое, с одной стороны, позволяет дифференцировать языковое и речевое, с другой стороны, - систему литературного языка от диалектов и просторечия.

Второй фундаментальный принцип современной лингвистической парадигмы требовал рассматривать языковые единицы исключительно в составе конфигураций [2; 23-24]. Одним из показателей системно-

структурного мышления в XX веке стало восприятие языковых единиц как структурно невыполненных феноменов. Поэтому, как лишенная всякого смысла, рассматривалась методика анализа языковых единиц любого уровня самих по себе, ибо сами по себе они были не самодостаточны. Только в составе конфигураций, свидетельствующих о системных ограничениях, накладываемых на реализацию содержания языковой единицы, последняя превращается из возможного потенциального знака в реальный знак, охваченный сетью отношений в системе языка.

Пословица не отвечала ни первому, ни второму требованию, предъявляемому исследователями, в трудах которых создавалась фразеологическая теория. Собственно говоря, она и разделила фразеологов на два лагеря. Как известно, фразеологов, по-разному относящихся к языковой сущности пословицы, стали называть представителями широкого и узкого подходов к объекту фразеологии. Ученых, рассматривавших пословицу как разновидность фразеологизма, считали представителями широкого подхода. Напротив, тех, кто пословицу не считал фразеологизмом, относили к представителям узкого подхода. Широкий подход исходил из коннотативной природы пословиц, их устойчивости и воспроизводимости. Узкий - из того, что пословица представляет собой фольклорный жанр, а не языковую единицу, характеризуется самодостаточностью и не нуждается ни в каких языковых конфигурациях для реализации своего значения.

Пословица не отвечала требованиям, предъявляемым к языковым единицам, поскольку оказывалась самодостаточной. Ей, для реализации своего содержания, не требовалась структурно-обязательная связь. Пословица всегда семантически завершена, ей достаточно собственной структуры для выражения своей семантики. Таким образом, обязательная с точки зрения функционально-семантической конфигурация в случае пословицы оказывалась равной ее собственной структуре и конкретной конфигурации этой структуры.

С другой стороны, пословица воспроизводится. Она обладает знаковой способностью воспроизводиться в речевых актах в единстве своей семантической структуры, функциональной предназначенности и конфигуративной оформленности.

Таким образом, пословица обнаруживала признаки как языковых, так и речевых единиц. Поэтому ее нередко одновременно называли и языковой, и речевой единицей. При этом не задумывались над тем, что языковой статус пословицы, как и любой другой языковой единицы, означает ее воспроизводимость в речи, но вовсе не говорит о том, что она речевая единица. Если же, напротив, пословица оказывается речевой единицей, то она никак не может быть одновременно и языковой. Утверждая речевой статус той или иной единицы речи, мы как раз и хотим сказать, что она не является принадлежностью системы языка. Речевая единица не воспроизводится в речи, она в речи встречается. Дело в том, что языковая единица обязательно воспроизводится в речи, поэтому говорить о том, что языко-

вая единица является и речевой, совершенно излишне. С другой стороны, когда мы говорим о том, что та или иная единица является речевой, мы именно и хотим сказать, что данная единица носит случайный, окказиональный характер и не является принадлежностью языковой системы. Поэтому не совсем ясно, что значит быть одновременно и речевой и языковой единицей.

Однако возможно и другое отношение к сущности языка как некоторой кодовой системы, позволяющее актуализировать ассоциации не знаков в рамках языковых конфигураций, а ассоциации употреблений знаков в речевых актах, зафиксированных культурологически. Язык, как превращенная форма, может иметь отношение не только к совокупности мотивированных и культурологически осмысленных знаков, но и к совокупности осмысленных употреблений. Так, отмечается, что «Для человека в достаточной степени владеющего русским языком, словоформа рук существует не как «родительный падеж множественного числа» слова *рука*, но как отрезок языкового материала, напоминающий ему о целых полях конкретных выражений, присутствующих в его языковом опыте. Попытаюсь назвать хотя бы некоторые из таких выражений, в составе которых эта словоформа укоренена в моей языковой памяти: множество взметнувшихся /вскинутых/ протянутых рук; «лес рук» /ассоциируется в моей памяти с школьным бытом: одобрителное и слегка ироническое восклицание учителя при виде множества поднятых рук в ответ на легкий вопрос/; /совсем/ окончательно /вконец/ отбилась от рук; /благополучно/ сбить с рук – как бы получше /поскорее/ сбить с рук; без /обеих/ рук /ассоциируется со статуей Венеры Милосской/; «Без рук, без ног на бабу скок»/пародия детской загадки, по-видимому, еще одно порождение послевоенного времени/; жирные пятна /следы /от/ его рук /пальцев /ассоциируется с образом Сталина: история о книгах, которые он одалживал у Демьяна Бедного и на которых оставались жирные следы его пальцев /не помню источник/; «И память в пятнах икр и щек, И рук, и губ, и глаз» /стихотворение Пастернака/» [3; 129-130] В.Руднев приводит пространную цитату из книги вашингтонского профессора Б.М.Гаспарова, который «в принципе описывает язык не по-сосюрски». Приведенный В.Рудневым список ассоциаций Б.Гаспарова со словоформой *рук* мы не привели полностью, да в этом и нет нужды. Из приведенных примеров ясно, что имеет в виду вашингтонский профессор.

Первое возражение, приходящее в голову, это некорректность заявления о том, что «для человека, в достаточной степени владеющего русским языком, словоформа *рук* существует не как «родительный падеж множественного числа» слова *рука*, но как отрезок языкового материала, напоминающий ему о целых полях конкретных выражений, присутствующих в его языковом опыте». Дело в том, что язык не может организовываться из языкового опыта отдельных людей. Кроме того, тот опыт, о котором говорит Б.Гаспаров, это не языковой опыт, а опыт культуры, опыт

знакомства не с языком, а с тем культурным пространством, которое язык творит.

Языковой опыт представляет собой опыт языкового коллектива, поэтому он надиндивидуален, тот же опыт, о котором говорит Б.Гаспаров, - индивидуален.

Пословица – этимологически речевое явление. Она как бы застывшая модальность. Поскольку эта модальность постоянно воспроизводится в тождественности формы, содержания и функции, она постоянно воспроизводит и конкретику модального значения. Семантика модальности, таким образом, репрезентируется уже на знаковом уровне. Поэтому пословица и производит впечатление языкового знака. Поэтому, несмотря на всеобщее понимание фактора структурной выполненности пословицы, в сознании многих, как ученых, так и обывателей, она ассоциируется с языковой единицей. В этом случае бесспорно одно: значительное расширение границ самого понятия «язык как система знаков».

Семантика пословичной модальности по своему характеру ничем не отличается от того типа модальности, которую принято называть субъективной модальностью. Однако суть диалектики языка и речи в данном конкретном случае проявляется в том, что этимологически реализуемая как субъективная модальность, семантика паремиологической модальности становится языковым феноменом. На наш взгляд, это одно из фундаментальных обнаружений языком себя как превращенной формы.

Пословицы все же не являются языковыми единицами, поскольку они не входят в знаковую систему языка на основе конфигуративных связей, а образуют собственную систему. Система, образуемая пословицами не носит знакового характера в собственном смысле слова. Однако отношения дискретности в мире национальных пословиц, а также фактор семантического отличия как способ обеспечения ценности каждой отдельной пословицы в рамках пословичной системы, свидетельствует о том, что пословицы образуют не просто систему, а систему знаков. Знаковость пословицы обеспечивается ее соотносительностью не с конкретной ситуацией жизни, а с типизированной ситуацией, обобщенным знаком которой она выступает.

Пословица, как воспроизводимая единица речи, фиксируется в коллективной памяти носителей языка. Семантика пословицы, как народной мудрости, семантической структуры, зафиксировавшей коллективную рефлексию народа на типичный факт, базируется на модальности, которая носит уже не субъективный характер, а псевдосубъективный. О псевдосубъективности пословичной модальности свидетельствует прежде всего ее воспроизводимость в единстве содержания и формы, которая и заставляет многих исследователей считать пословицу языковой единицей, а вовсе не речевой.

При исследовании пословичной модальности важно, на наш взгляд, обратить внимание на следующее обстоятельство. Пословицы любого

языка образуют семантическую систему, поскольку они в своей совокупности охватывают весь опыт того или иного народа, весь этнический опыт. Поскольку пословица имеет не только буквальный, но и переносный план, она предполагает в своей основе механизм вторичной номинации. В данном случае неважно, что по своей семантической структуре пословица представляет собой суждение, грамматически равное предложению. Пересмысленность афористического высказывания предполагает соотносительность буквального и переносного планов, что делает пословицу не только простым образным суждением, а именно мотивированным суждением, когда мотивация актуализируется в любой речевой ситуации [4; 18-19].

Как единица вторичной номинации, или, если так можно выразиться, вторичного суждения, пословица по своей природе выражает объективную модальность, принципиально отличную от субъективной модальности предложения.

Поскольку пословицы образуют семантическую систему, следовательно, в системе пословиц уже на языковом уровне представлены все значения так называемой субъективной модальности. Но следует еще раз повторить, что воспроизводимость пословиц, регулярно репрезентирующая модальную семантику, свидетельствует о том, что субъективная модальность в сущности носит объективный характер. Паремиологическая модальность, объединяющая в себе все типы субъективной модальности, представляет их на узуальном уровне. Следовательно, это может расцениваться как свидетельство объективности субъективной модальности.

Предметно-логическая база паремиологической модальности свидетельствует о том, что типы пословичной модальности в разных языках должны совпадать. Однако тот факт, что система пословиц – это непосредственный продукт этнопсихолингвистической эволюции, говорит о том, что паремиологические системы разных языков обязательно должны иметь национально-культурную специфику, которая затрагивает и сферу модальности. Таким образом, задачей специального и отдельного лингвистического исследования должно стать изучение паремиологической модальности на материале разных языков, что позволит в перспективе создать модально-семантическую типологию языков мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Труды по языкознанию, М.: Прогресс, 1977.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
3. Руднев В. Язык и смерть (Психоанализ и «картезианская» философия языка XX века). – Логос, 2000, №1.
4. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986.

MODALLIĞIN ATALAR SÖZLƏRİNİN SEMANTİK STRUKTURUNDA ETNOPSİXOLİNGVİSTİK KATEQORIYA KİMİ TƏQDİMİ

S.İ.İBRAHİMOVA

ANNOTASIYA

Məqalədə atalar sözlərində ifadə olunan modallıqdan bəhs olunur. Qeyd edilir ki, etimoloji cəhətdən nitq vahidləri quruluşunda dil kollektivinin yaddaşında sabitləşən modallığın müxtəlif tiplərini özlərində cəmləşdirir. Ona görə etimoloji cəhətdən subyektiv olan modallıq çalarlarını paremioloji sistem obyektiv modallıq kimi təqdim edir. Nəticə etibararı ilə, demək olar ki, modallığın elmi ədəbiyyatda qəbul olunmuş subyektiv və obyektiv növlərə bölünməsi süni səciyyə daşıyır.